УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 148, кн. 1 Гуманитарные науки *2006*

УДК 167/168

ИДЕОЛОГИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ: ОТ КОНФЛИКТА ДО КОМПРОМИССА

В.М. Бухараев, Г.Н. Степаненко

Аннотация

В статье анализируется проблема соотношения ценностных и научно-познавательных компонентов в системе социального знания. Оцениваются познавательные возможности основных теорий идеологии, в том числе выдвинутых в русле концепции субъективности Фрейда – Лакана. Определяется значение «лингвистического поворота» для выявления новых смыслов взаимодействия науки и идеологии. Звучит мысль о том, что признание «идеологического подтекста» любого научного суждения усиливает роль требования «value free» в качестве инструмента эвристики.

Вынесенная в заглавие нотация и не «думает» даже скрывать – вполне под стать редукционистскому виду сего текста – своей наивной неопределённости: есть ли субстанции, которые нельзя было бы разместить в столь широком диапазоне? Тем более, если идёт речь об означающих, покрывающих в совокупности все проявления теоретической формы освоения мира. Потому истолкование соотношения науки и идеологии стоит на императивном «да» – и конфликт, и компромисс, включая такую его разновидность, как симбиоз. Причём практически во всех укоренённых в современном культурном и научном сознании смыслах. Скажем, в том теоретическом формате, который восходит к «аутентичному» марксизму, идеология и наука являют собой конкурирующие системы мировосприятия. При этом идеология, как обманная «камера-обскура», совращает научное мышление, препятствуя формированию положительной науки об обществе. Отсюда задача уличить соблазнительницу в обскурантизме и дистиллировать, наконец, из «всей этой дряни», что она нагородила, крепко стоящую на своих двоих науку.

Собственно, каузальный закон, единолично властвующий в причинно-механической картине мира, что продуцируется в русле номологически-дедуктивной парадигмы марксизма, предусматривает возможность элиминировать искажения на основе теоретического разоблачения их источника – экономических и политических интересов классов и классоморфных бастардов навроде мелкой буржуазии.

Рассмотрение идеологии в качестве «ложного отражения истинной ситуации» (или, выражаясь на социологическом наречии, «систематически искажаемой коммуникации»), а равно и стремление отобрать у неё роль посредника между познающим субъектом и познаваемым объектом превратилось в исход-

ную позицию теории идеологии. Хотя бы потому, что последняя – говорено даже так экспрессивно – «целиком оккупирована левой мыслью XX века; там она и останется» [1, с. 504]. Трудно удержаться от замечания: правая *теоретическая* мысль если и существует, то в качестве периферийного слоя интеллектуальной стратосферы, представленного такими одинокими, в сущности, воителями, как Ф. Хайек, К. Поппер или Л. Колаковский. Так что теория идеологии, конечно же, достояние левой ergo промарксистской мысли, всех её модификаций.

Применительно к проблеме идеологии etc. специальное значение имеют социология знания (познания) и лингвистический структурализм, которые в типологическом отношении как общие теории располагаются по одну – объективистско-детерминистскую – сторону эпистемологических «баррикад». Только у гуманистической социологии в роли детерминирующих структур выступают констелляции социальных явлений и событий, а в структурализме исследуются социальные функции языка, который воплощает в себе – и в открытой, внятно артикулированной (денотативной) форме, и в форме спонтанной, сокрытой (коннотативной), в «гуле языка» (Р. Барт) – «идеологические кругозоры» (М. Бахтин) определённых социальных коллективов.

Характерно, что у теоретиков, позиционирующих себя в качестве сторонников мертоновского дисциплинированного эклектизма, структурализм находится под подозрением как теория и метод, тяготеющие к этатизму. Скажем, Л. Козер демонстрирует подобное отношение к классику структурно-функционального направления в социологии Т. Парсонсу: «Хотя по своим убеждениям Парсонс был либеральным демократом, его теоретические построения зачастую были привлекательны для интеллектуалов с тоталитарным стилем мышления. Думаю, его теория довольно серьёзно изучалась интеллектуалами – защитниками сталинской тоталитарной системы» [2, с. 26]. Однако сам Козер разрабатывал свою теорию явно в дополнение к конструкции Парсонса, навсегда сохранив юношескую приверженность идее «лучшего и справедливого эгалитарного демократического общества». Не говоря уже о том, что структурализм (особенно в своей «пост»-версии) более всего схож с теорией конфликта: и здесь, и там мы имеем дело с небольшим числом собственно теоретических предположений о высказываниях (дискурсах), значениях и власти [3, с. 308].

Приятием образа идеологии по Марксу и учётом поставленной им задачи её разоблачения ради торжества науки отмечены творения всех тех специалистов, что условно могут быть разнесены по указанным двум направлениям парамарксизма. Несколько иллюстраций на эту тему. К. Мангейм, сотворяя интерпретативную социологию, имел в виду посредством анализа идеологических практик в их социальной обусловленности обеспечить торжество «реляционизма» – максимально беспристрастного познания общества. Можно полагать, что относительно веберианского метода разделения «фактов» и «ценностей» эта метода выступает в качестве ad hoc гипотезы. Впрочем, сам Мангейм считал, что М. Вебер, Г. Лукач, К. Шмитт, Г. Кельзен, практически все другие социальные теоретики не достигают в своих работах уровня «структурного анализа», потребного для внятного освоения феномена идеологии.

Основания для такой оценки у Мангейма были: его открытие идеологической/утопической подосновы любого мышления, несомненно, является одной из вершин социального познания в XX веке. Именно оно способствовало утверждению в мировой науке истолкования идеологии как системы идей, мнений и представлений о ценностях, лежащих в основе социальной и политической деятельности. Экзистенциальная драма самого Мангейма, порожденная открывшимся ему «совершенно новым видением мира» («как вообще теперь мыслить и жить?», «как вообще ещё возможно познание и духовное существование?»), сродни потрясениям, что испытали такие новаторы, как З. Фрейд («я был адвокатом дьявола») или О. Вейнингер, который свёл счеты с жизнью, завершив «Пол и характер». Есть также основание думать, что теория дискурсивности (Ю. Хабермас, М. Фуко) – своего рода переоткрытие мангеймовского концепта «угла зрения» (Aspektstruktur).

На том перекрёстке, где звучат признания в любви к свободной от идеологии истине, с К. Мангеймом встречается представитель «послемарксового марксизма» Л. Альтюссер, теория идеологии которого остаётся одним из источников современных исследований феномена идеологии [4–6]. «Теоретический антигуманист» усматривал в идеологии праформу субъективности, вдохновляясь идеей о возможности преодоления ложного сознания на путях его объяснения и «снятия» с целью дискредитации как господствующего идеологического языка. А Ролан Барт? Его творчество – яркий пример того, что именно идеология служила основной мишенью структурализма [7]. Барт неизменно ставил своей целью всестороннюю критику буржуазной культуры, императивы которой могут быть устранены из мышления лишь объективностью научного анализа.

Заметим по поводу, что замысел учёного и судьба его учения – вещи разные. Бартовская методология, выраженная в его обычной провоцирующей манере формулой «Язык – это фашист», используется ныне для интерпретации логократической природы любой версии тоталитаризма, в том числе и той, возникновение которой иные отечественные интеллектуалы связывают с самой марксистской доктриной. Скажем, влияние Барта явственно ощущается в произведениях А. Синявского, осуждённого в середине 1960-х годов – по его собственному лукавому выражению – за «стилистические разногласия» с советской властью [8, 9]. Литературный критик Б. Сарнов указывает на концепцию Р. Барта как на один из теоретических и эмоциональных источников своей книги, посвящённой описанию официального языка советской эпохи, – «идеологического яда» того же марксистского изготовления, которым отравлялось общественное сознание [10, с. 10].

Теперь для большей прояснённости картины – казус М. Фуко. Он, как и К. Гирц, который узрел во всех концепциях идеологии лишь разновидности банальной «теории интереса», осознанно занимал позицию деидеологизации, в связи с чем Х. Уайт иронически представил речь автора «Археологии знания» в виде фигуры катахрезы: его позиция всегда «над» другими или «вне» любых иных позиций [11, с. 495]. В то же самое время «идеология», наряду с «репрессивностью» и «властью», – сквозная тема творчества Фуко. Пытаясь рассчитаться с оппозицией наука/идеология, отказываясь от «проведения демаркаци-

онной линии в дискурсе, попадающем под рубрику исследования критериев научности или истинности», радикальный критик традиционной методологии всё равно вынужден следовать традиции: понятие идеологии «всегда находится в виртуальной оппозиции к тому, что считается истиной» [12, с. 118].

А можно ли считать теоретическим триумфом стремление К. Гирца порвать с въевшимся в поры культурного общества подходом, на основе которого из понятий «наука» и «идеология» неизменно конструируется дихотомия? «Превращая» идеологию в систему культурных норм и регуляторов, сосредоточивая внимание на «образной природе» идеологического мышления, американский антрополог «обратным порядком» возвращается к превзойдённой было им проблеме, прибегая к наивной просветительской дидактике: наука и идеология «должны работать» в разных направлениях, нельзя давать сбивать себя с толку, оценивая деятельность одной по задачам другой и т. п.

Можно пойти ещё дальше и «закрыть Америку» по примеру П. Бурдье. Оттолкнувшись от Фуко, он вообще предлагает снять сакраментальный вопрос, заменив термин «идеология» на понятие «докса». Подобные посягательства на сложившуюся традицию результата не имеют. К. Мангейму принципиально не удалось развести идеологию и утопию, а Р. Дарендорфу, наиболее авторитетному исследователю социологии конфликта, – отучить научное сообщество использовать понятие «разрешение конфликта» как отражающего прототалитарную идеологию, в соответствии с которой полное устранение конфликта возможно и желательно. Трудно также представить себе, чтобы историки дружно откликнулись на интересное предложение В. Муравьёва строго различать историю исторической науки как социокультурный феномен и историографию как познавательный процесс [13, с. 170].

Впрочем, в марксистской традиции представлена ещё одна, прямо противоположная – по кажимости – стратегия освоения антиномии «наука-идеология». Это «оппортунистическая» поправка В. Ленина, смысл которой (обратимся тут к образу одного из лучших скальдов современности В. Пелевина) заключается в «алхимическом браке» между наукой и идеологией. Плюс к тому теоретическое обоснование этой «поправки» Г. Лукачем, сводимое к утверждению: в силу совпадения классовых интересов пролетариев с вектором движения истории противоречие между наукой и идеологией оказывается «диалектически снятым» – пролетарская идеология совпадает с объективной истиной [14]. В условиях «второго большевизма» выводы, вытекающие из ленинской реинтерпретации идеологии (она предстала в образе «истинного отражения ложной ситуации»), были доведены до мыслимого предела: «Идеология – форма общественного сознания, совокупность определённых взглядов, идей, понятий, представлений. Формами идеологии являются политические взгляды, наука, философия, мораль, искусство, религия и т. д.» [15, с. 2].

Однако когнитивный конфликт логическими упражнениями не разрешается. Ни в логико-семантическом смысле, ни в сигнификативном измерении идеологию и науку слить воедино не получается. Уже во времена «позднего» сталинизма наука «выводится» из перечня форм идеологии [16, с. 146]. В дальнейшем продолжается демонстрация теоретических кульбитов: от наделения идеологии чертами гегелевского Абсолюта («научная идеология представляет

собой более высокий уровень научности, чем простая научная теория» [17, с. 26]) и откровенной софистики до пропагаторских инвектив, призванных заклеймить «буржуазных идеологов», которые норовят установить «непроходимую грань между идеологией и пропагандой, с одной стороны, и наукой и информацией, с другой…» [18, с. 5].

Авторов можно понять. Скованные прямыми ленинскими высказываниями о тождестве науки и «пролетарской идеологии», они должны были хоть как-то разграничить идеологию и науку как познавательные практики. Вот типичное речение: революционной идеологии присуща «подлинная научность», хотя «общественные науки, имея идеологический характер, в то же время не являются идеологией», – это при том, что марксистская философия, напротив, «развивается как составная часть идеологии», а «главное, решающее в общественных науках» относится к «идеологическим моментам» и т. д. Ситуация, достойная пера мастера метафор и теоретизированной эквилибристики, нынешнего кумира приверженцев демонстрационного радикализма С. Жижека. Скажем, можно вслед за ним вообразить, что перед нами некий несовершенный Бог, находящийся в несогласии с Самим Собой [19].

С. Жижек, возглавляемая им Люблянская лаканианская школа представляют ныне развитую Ж. Лаканном ту традицию фрейдовского наследия, которая – в противовес когнитивной психологии с её автономным и устремлённым к целостности «Я» – настаивает на изначальном и непреодолимом в принципе «расколе» субъекта, неравенстве его самому себе. Тем самым лаканианская концепция со своей стороны доказывает невозможность преодоления идеологических предпосылок любого научного суждения. В свою очередь, эта позиция является одной из основ социального конструкционизма, в частности, дискурсивного анализа во всех его модификациях [20]. Более того. Только на основе лаканианского – «аутентичного» – фрейдизма представляется возможным окончательно похоронить если не расчеты, то хотя бы надежды, как у К. Мангейма и Л. Альтсюссера, на саму возможность разрыва «брачных уз» между идеологией и наукой.

А что же отечественная теоретическая мысль? Отказ от принудительного использования ленинской «поправки» в незабвенные девяностые годы обернулся тем, что в теории истории, социологии, а теперь и в политологии отечественного извода идеология вновь заняла своё «законное» место рядом/против науки. В современном обществознании – вполне в духе социологии знания («в марксистских сочинениях идеология и наука тесно переплелись между собой» [21, с. 7]) – нередко выделяют научный уровень политической идеологии, но при этом педалируется эстернизация ценностей, присущая всякой идеологии. В методологии исторического познания, по обыкновению, реализуется «мягкая» марксистская парадигма (разбавленная идеями того же Л. Альтюссера), скажем, в структуре исторического сознания обозначают идеологический уровень, характеризуя его в качестве «иллюзорного сознания», которое по определению не может быть научным [22, с. 38–41].

Ценностная интерпретация феномена идеологии, доминирующая в отечественной социогуманитарии в целом, находит мощную подпитку в культурном сознании российского социума, в каком представление об идеологии нераз-

рывно связано с практиками идеократической системы. Современное же «идеологоведение» в России страдает тем, чем «болела» интеллектуальная история на Западе в 60–70-е годы прошлого столетия, а именно, преимущественным вниманием к концепциям и теориям. Их некуда «подвесить», поелику культурный и социополитический контексты при этом не реконструируются [23–27][*]. Между тем такие «вешалки» сегодня есть, скажем, в виде проектов «новой культурно-интеллектуальной истории», который нацеливает на всесторонний учёт взаимодействия, что существует между движением идей и их исторической «средой обитания», или обновлённой истории историографии [28, с. 182–189].

Однако теоретический авангард не спешит воспользоваться этими исследовательскими программами для анализа феномена идеологии в его взаимосвязи с историческим познанием, что не только бы расширило историографические горизонты, но и могло – пусть гипотетически – способствовать формированию более «корректного» образа идеологии в общественном сознании: рассмотрение проблемы идеологии в широком культурно-социальном контексте неизбежно подводит к пониманию того, что идеологическое творчество – это неотъемлемая часть духовной организации общества, не сводимое к лишь крайним его формам. Между тем продолжает доминировать образ идеологии, истолкованной в качестве экстремального варианта научной теории: не «оценочные суждения» или точка зрения, а «обращённая к современникам проповедь – пропаганда с требованием изменить их социальное поведение, признать общественные цели и нормативы, соответствующие определённому мировоззрению, отказаться от «неправильных» взглядов и мнений – создают идеологическую систему. Такая система может обладать разной степенью завершённости, но всегда содержит изображение действительности, искажённое в угоду интересам определённых групп общества» [29, с. 19].

Не вдаваясь здесь в осмысление причин «невнимания» академической историографии к проблеме идеологии, отметим лишь, что здесь она идёт шаг в шаг с западным историописанием. Оно в основном «отфильтровало» идейно-политический субстрат теорий идеологии, оставив себе то, что отвечает духу антипозитивисткой революции, порушившей веру «романтического века» науки в возможность безпредпосылочного познания. Или уж контрреволюции, с учётом того, что само создание системы позитивизма О. Контом, выдвижение сходных идей Д. Юмом, Ж. Даламбером, А. Тюрго явилось в известной степени реакцией на идеализм, спиритуализм, отчасти – рационализм, прежде всего на те его аспекты, где на основе подхода к миру с субъективной стороны центральным пунктом анализа выступают разум, мышление, рассудок.

В теоретический термидор оказались вовлечены все секторы науки об обществе, в числе его примет – ревизионистская атака в германистике и советологии, выдвижение в качестве приоритетных проблем политической культуры и психоментальностей (призванных заместить концептуалистику идеологии в условиях т. н. деидеологизации), традиционно выделяемые теперь «повороты» в историографии и т. д. Кто едет, тот и правит: в иллюзионе постмодернизма

[*] Некоторые из этих работ являют собой нечто вроде реферативных штудий, а иные написаны с целью осчастливить Россию очередной «правильной» идеологией.

научному знанию придаётся вид дискурса, языковой практики, имеющей гипотетический характер [30, с. 14]. Прозвучавшая некогда из «уст младенца» просьба, в которой обнаруживает себя ещё томящаяся взаперти, но готовая предстать пред людским судом обновлённая на основе методологического синтеза истина: «Папа, объясни мне, зачем нужна история?» [31, с. 6], обернулась раздумчивым вопрошанием, которое отмечено профессиональным пессимизмом, хотя оно и таит в себе стремление показать «пользу» прорицания о прошлом: «Нужна ли ещё история?..» [32].

Гуманитарное научное сообщество в связи с посягательством «французской теории» на смысл и значимость историописания отреагировало, по меньшей мере, тремя телодвижениями. Во-первых, «контрдеконструкцией» постмодернистского речеговорения как эманации методологического анархизма и крайнего релятивизма. Во-вторых, открытой защитой «приватного места» истории, и в этой «битве за храм Мнемозины» уже не до гносеологических условностей. «Забавно, – отмечает метафизик, – что в критике постмодернистского антиисторизма более правые традиционные историки объединяются с марксистами (впрочем, защита статусных позиций демонстрирует и более оригинальные комбинации, такие, как комплот военной партии кайзеровской Германии и русских леворадикалов в 1917–1918 годах. – *В.Б., Г.С.*). Корифей германского неомарксизма Юрген Хабермас видит в критике марксизма простой нигилизм, не предполагающий позитивной альтернативы существующему порядку вещей. Правые противники постмодернизма видят в нём новую модификацию левого радикализма и даже анархизма. Идеологический успех и растущая популярность нового течения привели к тому, что многие феминисты, антисектанты и «зелёные» стали считать его *своей* идеологией» [33, с. 365–366]. Наконец, – более-менее внятной демаркацией метода науки и метода идеологии в социальном познании, что выступает решающим условием защиты профессиональных бастионов. Ничего, что приходится писать обеими руками сразу: «Любой научный анализ, если это хороший анализ, представляет собой анализ идеологический» [34, с. 300], но если при этом одни полагают, что претензии социологии на научную строгость – «маска буржуазной идеологии», а другие оценивают современное социальное познание как «один из видов возрождения идеологии», то достаточно разобрать их собственный язык; тут и обнаружится, что все они «щедры на анафемы, но не разделяют ни позиции, ни терминологии, ни знаний друг друга, доказывая таким образом, что социология всё ещё жива» [34, с. 5]. Право, напрасно пересмешник из Фрибурга утверждает, «что диалектика – одно из самых вредных, какие только есть на свете, суеверий» [35, с. 49].

Что остаётся гуманитарию? Особенно в условиях российского культурного пространства, где понятие «идеологический анализ» порождает гештальт некой догматизированной конструкции, претендующей на монопольное владение истиной, причём как в силу сложившихся лексико-культурных традиций, так и по причинам вполне актуальным? Да то же, что и всегда. Тем более, что признание «идеологического подтекста» в качестве объективного свойства любого опыта социального познания не только не обесценивает требование «value free», но даже усиливает его роль в качестве инструмента эвристики. Именно

оно ориентирует гуманитария на более строгое следование правилам корпоративного «кодекса чести», позволяющее отделять зёрна от плевел и выявлять фальсификации, используя критический аппарат традиционной и современной социогуманитарии против нового мифостроительства [36, с. 246]. При этом не мешает помнить, о чём поведал Ж. Лакан: «Истина основана лишь на том, что любая речь, будь она лжива, вдыхает в неё жизнь, аппелирует к ней» [37, с. 143]. По-другому, истина в очередной раз являет себя в виде заблуждения – того же мифа, идеологической картинки. Зато есть куда стремиться поколениям учёных, верно?

Summary

V.M. Bukharaev, G.N. Stepanenko. The ideology and scientific studies from conflict to compromise.

The subject of the paper is the system of social and humanitarian knowledge. The authors review the ratio of values and cognitive components of knowledge, evaluate the cognitive value of modern theories of ideology (including Freud – Lacan concept of subjectivity) and analyze the interactions of science and ideology within the frame of ontological turn. The authors also stress, that it is impossible to discover knowledge free of value, but the scientist should follow the “value free” principle as the heuristic instrument of his cognitive activity.

Литература

1. *Эткинд А.* Очки для двух голов // Ab Imperio. – 2002. – No 1.
2. *Козер Л.* Функции социального конфликта. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.
3. *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семёнов В.А.* Западная социология. – СПб.: ТОО «Ольга», 1997. –371 с.
4. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of practice. – Cambridge, 1977.
5. *Eagleton T.* Ideology. – L., 1989.
6. *Zizek S.* The Sublime Object of Ideology. – L., 1989.
7. *Осминская Н.* Смерть ей к лицу: Ролан Барт и конец классической французской семиотики // Независимая газета. Ex Libris. – 2003. – 4 сентября.
8. *Терц А.* (Синявский А.) Собр. соч. в 2 т. – М., 1992.
9. *Терц А.* (Синявский А.) Основы советской цивилизации: Избранное. – М.: Аграф, 2001. – 460 с.
10. *Сарнов Б.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: Материк, 2002. – 597 с.
11. *Обатнин Г.* Мы, филологи // Ab Imrerio. – 2001. – No 1.
12. *Foucalt M.* Truth and Power // *Foucault M.* Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / Ed. by C. Gordon. – N. Y.: Pantheon Books, 1981.
13. *Муравьёв В.А.* Александр Александрович Зимин // Историки России: Послевоенное поколение. – М., 2000.
14. *Лукач Г.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 416 с.
15. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Изд. 2-е. – М., 1941.

16. Краткий философский словарь. Изд. 4-е, доп. и испр. – М., 1952.
17. Философские проблемы идеологической борьбы. – М., 1978.
18. *Биккенин Б.Н.* Марксистско-ленинское учение об идеологии. – М., 1976.
19. *Жижек С.* Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. – М.: Художественный журнал, 2003. — 184 с.
20. *Бухараев В.М., Мягков Г.П.* По обе стороны от «средней позиции»: Что же дальше, историческое познание? // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 42–72.
21. *Бергер Г.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). – М.: Прогресс , 1994. – 320 с.
22. Историческая наука и историческое сознание. – Томск, 2000.
23. *Ветров С.А.* Жажда идеологии. – Омск: Ом. гос. ун-т путей сообщ., 2002 – 206 с.
24. *Тузиков А.Р.* Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс медиа. – М.: Соц.-гуманит. знания, 2002. – 290 с.
25. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.
26. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. – М.: Алгоритм, 2003. – 240 с.
27. *Кольев А.Н.* Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
28. *Репина Л.П.* «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков / Под ред. А.А. Фурсенко. – М.: Наука, 2001. – С. 175–192.
29. *Май А.В.* Модели господствующей идеологии. – Jerusalem: The Harry S. Truman Research Institute, the Hebrew University of Jerusalem, 1997.
30. *Ким С.Г.* О механизмах реализации новаторских стратегий в современном историописании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 2001. – Вып. 26.
31. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
32. *Koselleck R.* Wozu noch Historie // Historische Zeitschrift. – 1971. – Bd. 212, H. 1.
33. *Пятигорский А.М.* Избранные труды. – М., 1990.
34. *Мендра А.* Основы социологии. – М.: Издат. дом «Nota Bene», 2000. – 342 с.
35. *Бохеньский Ю.* Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. – М.: Прогресс, 1993. – 187 с.
36. *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.
37. *Лакан Ж.* Четыре основные понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964). – М.: Логос, Гнозис, 2004. – 304 с.

Поступила в редакцию
11.01.06

Бухараев Владимир Миннатович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.

Степаненко Герман Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного университета.